

12. Homans A.S. The Human Group. – N.-Y., 1950. – P. 188-190.
13. Stogdill R. Personal Factor Associated with Psychology of Groups. Willey. - N.-Y., 1959. – P. 3-105.

Summary

The theoretical analysis of phenomena leadership in the article, noted role of leadership in forming psychological readiness to activity of future practical psychologists.

Keywords: leadership, activity, professional activity, motivations.

УДК 159.98 (045)

Щербатюк Б. А.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ В XXI ВЕКЕ: ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Анотація

У статті аналізуються історія виникнення гуманістичного напрямку в психотерапії і сучасні перспективи його розвитку; визначається місце, яке гуманістична психотерапія може і повинна зайняти у ціннісних координатах духовної культури. Виділяються умови, при яких гуманістична психотерапія могла б виконати свою головну, інтегративну функцію: структурування предметного поля психотерапії, усвідомлення себе окремою гуманітарною наукою і окремою професією.

Ключові слова: гуманістична психологія, гуманістична психотерапія, зоогенні неврози, клієнт-центрована психотерапія, феноменологічний метод.

Аннотация

В статье анализируются история возникновения гуманистического направления в психотерапии и современные перспективы его развития; определяется место, которое гуманистическая психотерапия может и должна занять в ценностных координатах духовной культуры. Выделяются условия, при которых гуманистическая психотерапия могла бы выполнить свою главную, интегративную функцию: структурирование предметного поля психотерапии, осознание себя отдельной гуманитарной наукой, фундирующей самостоятельную профессию.

Ключевые слова: гуманистическая психология, гуманистическая психотерапия, ноогенные неврозы, клиент-центрированная психотерапия.

Постановка проблеми. Формальний відповідь на запитання «Що таке гуманістична психотерапія?» прост. Сьогодні це одне з трьох основних напрямків сучасної психотерапії, поряд з динамічним і поведінковим, яке є найменш однорідним і об'єднує 15 широко відомих у світі шкіл, в тому числі таких, як екзистенціальну психотерапію, даїзналіз, логотерапію, клієнт-центрировану психотерапію, гештальт-терапію, первинну терапію Ялова,

биоэнергетический анализ Лоуэна, трансцендентальную медитацию, дзэн-психотерапию, и ряд других методов [1, с. 153].

Содержательный ответ предполагает ценностно-смысловое отношение к основным идеям, принципам, теориям и методам психотерапии, характерным для этого направления. Такой ответ очень важен для отечественной психотерапии, перед которой стоят задачи интеграции в мировую науку, во-первых, и адаптации зарубежных методик к местным условиям, во-вторых.

Что может быть общего, например, между логотерапией и трансцендентальной медитацией? Пожалуй, ничего, кроме того формального обстоятельства, что эти две школы, как и все остальные из приведенного выше списка, нельзя отнести ни к бихевиоризму, ни к психоанализу. На что указывает термин «гуманистический»? Обозначает ли он выделяющий признак, то есть, следует ли отсюда, что два остальных направления в психотерапии являются негуманистическими, а может быть, и негуманными? С другой стороны, если гуманистическая психотерапия отвечает своему названию, то почему в таком случае ее научный рейтинг сегодня, ниже, чем у бихевиоризма и психоанализа? Чтобы ответить на эти вопросы, недостаточно исследовать современное ее состояние – нужно обратиться к ее истории и выяснить как, почему и ради чего было создано новое направление, прояснить ее современные перспективы, определить место, которое она может и должна занять в ценностных координатах духовной культуры.

История исследования проблемы. Формальное учреждение нового направления в психологии и психотерапии произошло в США в 1950 году, тогда же возникли и сами термины «гуманистическая психология» и «гуманистическая психотерапия». Олпорт, Мюррей, Мерфи, Келли, Маслоу, Роджерс и Мэй рассматривали новое направление как «третью силу» наряду с бихевиоризмом и психоанализом. В 1961 году Американская ассоциация гуманистической психологии основала «Журнал гуманистической психологии», где в 1962 году был опубликован первый манифест нового направления: «Гуманистическая психология посвящена главным образом тем человеческим возможностям и потенциям, которым отводится мало или вовсе не отводится места как в позитивистской бихевиоральной, так и в классической психоаналитических теориях» [2, с. 24]. В дискурсе новой идеологии предполагалось использование таких понятий, как любовь, креативность, личностный рост, целостный психический организм, удовлетворение базовых потребностей, самоактуализация, аутентичность, трансценденция Эго, трансцендентальное переживание, психологическое здоровье и т.д. Понятно, что список понятий, тем более столь нечетких, вариативных по содержанию и зачастую семантически не согласованных друг с другом, не может служить определением ни гуманистической психологии, ни гуманистической психотерапии. Определение должно содержать указание на цели и задачи нового направления в науке и представить его программу.

Анализируя американский манифест 1961 года, можно отметить три момента. Во-первых, гуманистическая психотерапия представлена в нем как прикладной аспект психологии, а точнее, нового теоретического подхода в психологии личности. Во-вторых, в нем указана первая задача – восполнить пробел или концептуальный вакуум, который возник потому, что ни бихевиоризм, ни психоанализ не смогли полностью охватить расширившееся проблемное поле психотерапии. В-третьих, здесь содержится неявное указание на то, что психотерапии становится тесно в концептуальных рамках медицины. Об этом неоднократно говорил Маслоу, который никогда не занимался терапией и настаивал на том, чтобы психология переключила внимание с изучения аномалий на изучение психически здоровых людей: «Ограничиваться проблемами больного человека может только больная психология» [3, с. 534]. Этим объясняется повышенный интерес гуманистических психотерапевтов к таким понятиям, как психологическое здоровье, личностный рост, самоактуализация, высшие ценности и т.д.

Первые шесть десятилетий XX века были для психотерапии периодом ее экстенсивного и разнонаправленного развития. Теория, в целом, шла за практикой, и новые проблемы возникали раньше, чем старые успевали получить приемлемое решение. Это было время эмпирического расширения понятия «терапия» и самоидентификации профессии «психотерапевт». За эти годы рабочее поле психотерапии чрезвычайно расширилось и вышло далеко за пределы медицины, хотя формального отделения еще не произошло. Психотерапевты продолжали работать на базе лечебных учреждений и печатать свои работы в психотерапевтических журналах. На наш взгляд, хорошей иллюстрацией того, как научная психотерапия расширяла понимание своих практических задач, могла бы послужить история трех венских психотерапевтических школ.

Слово «пациент» означает «страдающий», а страдает человек не только от болезней. Но перед первой мировой войной и сразу после нее клиенты психотерапевтов были, в основном, пациентами в обычном медицинском смысле. Неврозы, с которыми они обращались, имели достаточно явные нозологические черты, поэтому терапевты 1-ой венской школы (З.Фрейд) с полным правом считали себя врачами.

Позже к врачам стало обращаться все больше и больше психически здоровых людей, чьи проблемы и душевные расстройства были связаны с жизненными неудачами. Эти неудачи были следствиями неверной оценки человеком своих возможностей, неумения ставить реальные цели и находить приемлемые пути их достижения, неумением строить межличностные отношения. Врачам приходилось отвечать на вопросы, не относящиеся к медицине – о социальной компетентности, об эффективной социальной адаптации и т.д. Теоретические и практические ответы дает 2-я венская школа (А.Адлер). Невроз трактуется теперь не как заболевание, а как утрата социального интереса или как ошибка в выборе индивидуального стиля жизни.

Терапевт, по крайней мере, в рамках этой школы, постепенно превращается из врача в учителя, наставника, тренера.

С начала 60-х годов возникает новый массовый тип клиента. Теперь к терапевту обращаются люди не только здоровые, но и по всем общепринятым меркам преуспевающие. Их не нужно учить, как добиться успеха, - проблемы, которые их беспокоят, связаны как раз с сомнениями по поводу того, что в обществе принято считать успехом. Вот типичное в таких случаях обращение к терапевту: «Мне 22 года, у меня есть ученая степень, у меня шикарный автомобиль, я полностью независим в финансовом отношении, и в отношении секса и личного престижа я располагаю большими возможностями, чем я в состоянии реализовать. Единственный вопрос, который я себе задаю – какой во всем этом смысл?» [4, с. 41]. Ответ, который дает на такого рода вопрос 3-я венская школа (В.Франкл) до сих пор не оценен по достоинству ни в психотерапии, ни в философии. Интересно, что хотя сам вопрос о смысле человеческого существования не имеет никакого отношения к психиатрии, ответ на него позволил Виктору Франклу по-новому взглянуть на мировую психиатрическую практику и поставить очень острую в сегодняшней ситуации проблему регуманизации психиатрии. «Слишком долго, - пишет В.Франкл, - фактически полвека, психиатрия пыталась интерпретировать человеческую психику просто как механизм и, соответственно, терапию психических заболеваний просто как технику. Я полагаю, что этот сон закончился. То, что теперь начинает маячить на горизонте, это – не психологизированная медицина, но гуманистическая психиатрия. Врач, который все еще интерпретировал бы свою роль как роль техника, признал бы, что он не видит в пациенте ничего большего, чем машину, вместо того, чтобы видеть за болезнью человеческое существо» [5, с. 278].

В.Франкл отмечает, что вопросы, с которыми обычно человек обращался к священнику, а точнее, через священника к самому Богу, сегодня задаются психотерапевту. В таких ситуациях терапевт, не являясь Богом, не может быть, к тому же, ни врачом, ни учителем, ни тренером. Он может оставаться только философским собеседником, но речь в данном случае идет не об отвлеченных философских беседах. Речь идет об экзистенциальном контакте двух личностей, ни одна из которых не имеет преимуществ перед другой. Речь идет о ситуации, в которой духовная поддержка является, как говорят американские психологи, «ценностью для выживания». Конечно, далеко не все, что сегодня принято относить к философии, может быть использовано как средство, «врачующее душу». К тому же, духовный кризис личности не является болезнью. И все же, именно философская идея, присвоенная личностью, т.е. ставшая ее духовным компонентом, является действенным терапевтическим средством против экзистенциальной фрустрации.

Экзистенциальный терапевт не формирует мировоззрение и не навязывает свои философские взгляды. «Пациенты постоянно приходят к нам с проблемами, связанными с поисками смысла жизни – пишет Франкл. - Это не

мы пытаемся вносить философию в психотерапию, - сами пациенты приходят к нам с философскими проблемами» [5, с. 13]. Пациент, между прочим, может и не знать, что его проблема является философской, как герой Мольера не знал, что он всю жизнь разговаривал прозой. Ему нужна философия, которая не оставалась бы абстрактным знанием, а стала его личным отношением к жизни и наполнила ее смыслом. Таким образом, роль терапевта сводится к тому, чтобы помочь найти идею, которая стала бы для человека «диогеновым фонарем», освещающим его путь к самому себе.

Итак, история трех венских школ, в известном смысле, репрезентирует историю психотерапии первой половины XX века, логику процесса и последовательность ее этапов. Но нас интересуют особенности третьего этапа. Мы видим, что возникновение этого этапа связано, скорее, с развитием психотерапевтической практики, чем с чисто терапевтическими изысканиями. На вопросы своих пациентов терапевты вынуждены были искать ответы в экзистенциальной философии. С той же неизбежностью они вынуждены были обратиться и к философской феноменологии. Феноменологический метод, - пишет Ирвин Ялом, - «это тот путь, на котором достижимо понимание внутреннего мира другого индивида. По возможности мы должны «взять в скобки» собственное мироощущение и погрузиться в опыт другого человека. Для психотерапии такой путь к пониманию другого человека в высшей степени естественен: каждый хороший терапевт стремится следовать ему в отношениях с пациентом.

Именно феноменологический метод описывает такие понятия, как эмпатия, соприсутствие, активное слушание, безоценочное принятие – или, используя удачный оборот Ролло Мэя, позицию «дисциплинированной наивности». Экзистенциальные терапевты всегда настаивали на том, чтобы терапевт стремился понять личный мир пациента вместо того, чтобы установить, как именно последний отклоняется от «норм» [2, с. 31]. В связи с этим некоторые специалисты предложили назвать все новое направление (а не отдельную школу) «экзистенциальным или феноменологическим». Но в истории все-таки утвердилось название «гуманистическая психотерапия» и можно показать, что именно этот термин, в отличие от предлагаемых альтернатив, является эпистемологически корректным.

Напомним, что в американском манифесте 1961 года была зафиксирована первая задача гуманистического направления в психотерапии – создать теорию, восполняющую пробелы бихевиоризма и психоанализа. Такая теория должна была обеспечить практическую работу терапевта в той области, где теоретические решения психоаналитиков и бихевиористов обнаружили явную неадекватность - а именно, в области высших человеческих проявлений, например, в ситуациях духовного кризиса личности, экзистенциального вакуума и ноогенных неврозов. Но у гуманистической психотерапии была и вторая главная задача, причем такая, которая существенно корректировала постановку и решение первой. О ней не было сказано в манифесте, но о ней

прямо говорили В.Франкл в Европе и А.Маслоу в США. Речь идет о том, что гуманистическая психотерапия должна была стать научно обоснованным обобщением двух предыдущих фундаментальных парадигм.

Иными словами, и бихевиоризм, и психоанализ должны были бы найти свое место в контексте новой научной идеологии, причем такое, чтобы они не противоречили ни друг другу, ни обобщающей теории. Коррекция первой задачи состоит в данном случае в том, что гуманистическая психотерапия с самого начала должна быть ориентирована не на поиск собственной ниши, не занятой другими парадигмами, а на интеграцию всех школ и направлений в единую психотерапевтическую науку.

Выделим три существенных условия, при которых гуманистическая психотерапия могла бы выполнить свою главную, интегративную функцию. О первом условии говорит Франкл: «Каждая школа психотерапии имеет свое представление о человеке, хотя это представление не всегда ясно осознается. Мы должны сделать эксплицитным имплицитное представление о человеке в психотерапии. Потому что представление психотерапевта о человеке при определенных обстоятельствах может усиливать невроз пациента, может быть совершенно нигилистическим» [5, с 22].

Итак, первым условием является структурирование предметного поля психотерапии и всего массива психотерапевтического знания на основе гносеологического и аксиологического анализа всех существующих теоретических подходов и концепций. Второе необходимое условие реализации интегративного потенциала состоит в том, что гуманистическая психотерапия должна осознать себя отдельной гуманитарной наукой, фундамирующей самостоятельную профессию. Она должна разработать собственный, аутентичный концептуальный аппарат, достичь единства в понимании своего предмета, своих задач и целей.

Третье условие связано с двумя предыдущими. Психотерапевтическое знание неоднородно не только потому, что существует множество теорий и методов и что в психотерапии используются понятия и теоретические схемы из многих других наук, но и потому, что оно включает в себя информацию эпистемически различных уровней. Необходимо провести «вертикальную» систематизацию знания. Эпистемологический анализ психотерапии должен помочь, также, отделить достоверную информацию от ее субъективных оценок, связанных с влиянием корпоративных интересов отдельных школ и идеологическим давлением авторитетных мнений.

Таким образом, в качестве выводов можно обозначить, что три перечисленных условия определяют «объем» интегративной задачи, стоящей перед гуманистической психотерапией.

Логическая связанность этих условий состоит в том, что нарушение одного из них, т.е. ошибочные действия по одному из направлений сразу создают препятствия для продвижения по другим направлениям.

С другой стороны, комплексное выполнение всех трех условий открывает перед гуманистической психотерапией перспективу решения своей главной, интегративной задачи – задачи, решение которой позволит гуманистической психотерапии отбросить термин «гуманистический» как логически избыточный.

В заключение, еще раз посмотрим на три существующих сегодня направления в психотерапии, обращая внимание на их аксиологические основания. Это позволит понять социальные и нравственные позиции терапевтов в их отношениях с клиентами, причем так, как понимают и оценивают эти позиции сами терапевты. Для этого достаточно обратиться к словам выдающихся представителей каждого из трех «океанических течений», как назвал их Роджерс.

«Если человек рассуждает о смысле жизни, - говорит З.Фрейд, - он нездоров. Смысла жизни и высших ценностей объективно не существует. Существует лишь неудовлетворенное либидо» [4, с. 36].

«Если мы говорим о внутренних факторах детерминации поведения человека, - говорит Б.Скиннер, - то это только потому, что не знаем внешних». Человек является полостью детерминированным существом, он может, и должен быть управляем. «Если мы с вами, ученые-психологи, не будем этого делать, - пишет Скиннер Роджерсу, - то этим займутся другие, корыстные и некомпетентные люди» [6].

В качестве эпиграфа для своей главной книги «Человек в поисках смысла» В.Франкл выбрал слова выдающегося американского поэта и философа Р.У.Эмерсона: «Есть лишь одна честь – честь оказать помощь, есть лишь одна сила – сила прийти на помощь». Пожалуй, эти слова не нуждаются в комментариях. Мы видим, что термин «гуманистическое» в названии третьего направления действительно несет смысловую нагрузку и отличает его от двух остальных. Но наш анализ показывает, что главный вектор развития психотерапевтической науки направлен на то, чтобы этот термин стал лишним – психотерапия как единая гуманитарная наука не может быть негуманистической.

Список використаних джерел

1. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д.Карвасарского. – СПб.: Издательство «Питер», 2000. — С.153.
2. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия /Пер. с англ. Т.С.Драбкиной. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. – 576 с.
3. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение) /серия «Мастера психологии». - СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
5. Франкл В. Доктор и душа / Пер с англ. А.Борева. – СПб.: Ювента, 1997. – 287 с.

6. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. с англ. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 480 с.
7. Боуэн М.В.-Б. Духовность и личностно-центрированный подход // Вопросы психологии. – 1992.- № 3-4. - С.24-33.

Summary

This article analyzes the history of humanistic psychotherapy and modern perspectives of its development; determined place humanistic psychotherapy can and should take in valuable coordinates spiritual culture. Stand the conditions under which the humanistic psychotherapy could fulfill its primary, the integrative function: structuring subject field of psychotherapy, awareness of themselves as a separate humanitarian science substantiates independent profession.

Keywords: humanistic psychology, humanistic psychotherapy, noogenne neuroses, client-centered psychotherapy.

УДК 159.923.2 : 378-057.875

С. П. Яланська #

ЗМІСТ ТА ЕТАПИ РОЗВИТКУ ТВОРЧОЇ КОМПЕТЕНТНОСТІ СТУДЕНТІВ ПЕДАГОГІЧНИХ НАВЧАЛЬНИХ ЗАКЛАДІВ

Анотація

Зміст та етапи розвитку творчої компетентності студентів сприяють формуванню, засвоєнню, розвитку фахових понять шляхом створення відповідних психологічних умов організації навчально-виховного процесу, підбору необхідних методів, прийомів навчання у сучасному вищому навчальному закладі.

Ключові слова: розвиток творчої компетентності, психолого-педагогічні засоби, студенти.

Аннотация

Содержание и этапы развития творческой компетентности студентов способствуют формированию, усвоению, развитию профессиональных понятий, путем создания соответствующих психологических условий организации учебно-воспитательного процесса, подбора необходимых методов, приемов учебы в современном высшем учебном заведении.

Ключевые слова: развитие творческой компетентности, психолого-педагогические средства, студенты.

Актуальність проблеми. Вагомим завданням сучасної освіти є розвиток особистості студента. Особливі вимоги ставляться до майбутнього вчителя, який має володіти високим науковим потенціалом, психологічною готовністю до розв'язання творчих завдань, що зумовлено необхідністю забезпечення конкурентоздатності фахівця.

Аналіз досліджень з проблеми. Проблему розвитку творчості студентів педагогічних вишів розкривають у своїх працях сучасні українські та російські науковці: О.Ф. Волобуєва (особливості розвитку творчої компетентності